

День выдался переменчивый. С утра моросило, потом начало проясняться. Разобравшись с утренними делами, Марья стала собираться в дорогу. Маленько приделась, даже погляделась в тусклое зеркало. По старинке собрала узелок, не любила теперешние сумки и пакеты. Положила в чистый белый платок гостинцы: пряники, конфетки, тыквенные семечки, засушенные накануне. Она помнила, что всё это любила дочка, а особенно младший внук.

Перекрестившись на божницу, тихонько вздохнула и вышла на крыльцо. Вдруг стало как-то тревожно и тоскливо на сердце. Оглядела двор, заперла дом на замок. Пустилась в дорогу, горько думая про себя, что вот уж плохо идут ноги, берет одышка, слабеет всё тело. Ведь уж семьдесят пять миновало. Тяжелыми покажутся ей эти пять километров. А бывало, играючи добежала, особенно когда ждали ее маленькие внуки, протягивали к ней ручонки. И она, рано овдовевшая женщина, отдавала им всю неистраченную любовь своей души. И ничего, что возвращаться приходилось поздно, что дома ждали свои дела, зато зять и дочь были довольны, а малыши росли крепкими и здоровыми. Детей у Марьи четверо. Два сына и дочь живут далеко. Не бывали несколько лет, трудно добираться, да и повзрослевшие дети дают много хлопот и забот. Рядом, в соседней деревне, осела только младшая, Нюрка. Все бы ничего, да зять больно насмешник, стал жить хорошо, зазнался, добра не помнит. И дочка с ним стала вроде чужая. «Почитай месяцев пять не бывали у меня, — думает горестно Марья, — передавали с соседкой привет, и всё. Ведь меньшей-то мог бы и на «лисапед» доехать. Так нет, видать, не приучают к этому. Вот раньше разве так было? Учили о старших заботиться. Что с народом стало?...» Думая так, Марья миновала старое сельское кладбище, расположенное на взгорке. Перекрестилась в ту сторону, подумав, что давно не бывала у родителей на могилках, у своего Ивана. «Пошто иду, — продолжала она думать, — ведь не до меня им, своя у них жизнь». Но надвигалась поздняя осень, а за ней и зима. Тяжело стало зимовать одной. Старая, ветхая изба, сколь ни топи, тепла не держит, печь разваливается, вся прогорела. Колодец зимой замерзает, сил нет пробивать. Сугробы наматает, еле прогребешь. Лежишь на печке, и думы одна другой горестней. А ночи так долги, еле рассвету дождешься.

«Поговорю, может, что присоветуют». А в душе теплилась надежда: вдруг позовут на зиму, не насовсем, а хоть на зиму. «Может, чего и помогу по хозяйству, не помешаю, не объем».

Раза два садилась и опять шла. Вот уже показалась центральная усадьба, теперь немного осталось. Подошла к дому, отворила калитку. Отметила про себя, что всё ухожено, в палисаднике цветы, скамеечка.

Вошла в просторные сени, в дом. Взрослых дома не оказалось, один меньшей, тринадцатилетний, внук сидел у телевизора. Марья поздоровалась, села на стул, спросила про родителей, собралась развязать узелок с гостинцами. «Что ж ко мне не бывали давно? Али не нужна я вам стала теперь?» — обратилась к внуку Марья.

«А зачем ты нам нужна?» — равнодушно-бездумно ответил тот, продолжая смотреть на экран. У Марьи застыли руки, толкнулось сердце, онемел язык. Вот он, ответ... Устами молодого, только нарождающегося поколения ей вынесен приговор. Да только ли ей?

Так и не развязав узелок, Марья встала и тихо пошла к двери. Вслед ей телевизор «молотил» какую-то шальную музыку. За оклицей Марья замедлила шаг, оглянулась, точно простившись со всеми. Устало пошла в обратный путь. В голове не было мыслей, в душе пустота, словно всё из нее вынули. Шла и шла, глядя невидящими глазами перед собой, не замечая, где она идет. Ноги сами несли ее к кладбищу. Вот и родительские могилы. Встала на колени, помолилась, поздоровалась. Разложила на могилки все гостинцы и тихо прошептала: «Вот, дорогая мамонька, и ты, тятя, и ты, Иван, до чего я дожила. Видите ли вы меня, жалуете ли хоть вы меня? Как же мне теперь быть-то, куда приклониться, к кому?» Долго и горестно еще говорила Марья с родными. Слезы тихо текли по ее загорелому лицу, задерживаясь в морщинках, как в канавках. Вдруг что-то тяжелое и давящее подкатило к горлу, ударило в голову, точно оглушило. И всё померкло...

Ее нашли на третий день. Она лежала ничком на материнской могиле. В скрюченных пальцах зажата сухая трава. Подивились люди, что это с ней приключилось, ведь всю осень трудилась на огороде. Вспоминали бабы, что «фершалица» говаривала Марье про какое-то «давление». «О-хо-хо, — говорили соседи, расходясь с кладбища, — вот она, жизнь... Эх, Марья, Марья, жить бы тебе еще да жить, а ты вон что — собралась да своим ходом на кладбище. И нас не дождалась. Одни мы, старухи, доживаем в деревне. И жизнь наша всё тоскливее и горше. Знать бы, когда ей конец».